

Попова Нина Викторовна

ВАЖНЕЙШИЙ АСПЕКТ ФОЛЬКЛОРНОГО ВЛИЯНИЯ НА ПОЭТИЧЕСКИЙ МЕТОД П. ВАСИЛЬЕВА

В статье мы представляем результаты исследования творчества П. Васильева в контексте внутренней связи с мелодикой русского стиха, глубинными основами русского народного творчества. Для анализа выбраны эпические поэмы ("Песня о гибели казачьего войска", "Соляной бунт", "Кулаки", "Синицын и К?", "Женихи", "Принц Фома") и лирические поэмы ("Лето", "Август"). В ходе исследования решается вопрос, насколько использование разнообразных фольклорных форм закономерно для творчества П. Васильева в целом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/12-3/41.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. III. С. 141-145. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81

Филологические науки

В статье мы представляем результаты исследования творчества П. Васильева в контексте внутренней связи с мелодикой русского стиха, глубинными основами русского народного творчества. Для анализа выбраны эпические поэмы («Песня о гибели казачьего войска», «Соляной бунт», «Кулаки», «Синицын и К°», «Женихи», «Принц Фома») и лирические поэмы («Лето», «Август»). В ходе исследования решается вопрос, насколько использование разнообразных фольклорных форм закономерно для творчества П. Васильева в целом.

Ключевые слова и фразы: Павел Васильев; «Песня о гибели казачьего войска»; «Соляной бунт»; фольклор; русское народное творчество; эпические поэмы; концепция «родовое начало».

Попова Нина Викторовна

Московский литературный институт имени А. М. Горького
info@popovanina.ru

**ВАЖНЕЙШИЙ АСПЕКТ ФОЛЬКЛОРНОГО ВЛИЯНИЯ
НА ПОЭТИЧЕСКИЙ МЕТОД П. ВАСИЛЬЕВА[©]**

Начало прошлого века, открывшее миру широчайший пласт русской национальной культуры, – время кровавых потрясений, войны, революций, репрессий. Тем более так удивительно и радостно читать стихи П. Васильева, наполненные таким искренним, солнечным восторгом перед торжеством жизни, ярким внутренним светом, неповторимой мелодией народного стиха, гармонией любви и мудрости, красоты и счастья. П. Васильев обладает подлинным чувством родного языка, к которому относится чутко и бережно. Его поэтическая речь выстроена филигранно, строка организована с вдохновенной точностью. Читаешь – и веришь каждому слову... Возможности русской народной традиции он использовал с настоящим размахом, словно демонстрируя широту и удаль русской души и русского поэтического слова. П. Васильев вошёл в поэзию со своим поэтическим словарём, со своим укладом, самобытной экспрессией и художественным стилем.

Система образного мышления П. Васильева прочно базировалась на принципах фольклорной эстетики. Обращение к фольклору было для поэта абсолютно естественно, органично и закономерно, он дышал его ароматом и наслаждался красотой языка с раннего детства – бабушка и дед были талантливыми сказителями и собирателями, сами сочиняли сказки и песни. Всё, что узнал и услышал в детстве П. Васильев, потом отразилось в его творчестве. «Васильев – отличный мастер сказового повествования, эмоционального интонирования стиха, он с огромным искусством владеет композиционной, ритмической и образной спецификой народной лирической песни», – подчёркивает Т. Мадзигон, автор многих исследовательских статей о поэте [6, с. 77]. Поэт и сам был внимательным и кропотливым собирателем фольклора, записывал приглянувшиеся ему сказы, частушки, запевки, поговорки и загадки (очерки «В золотой разведке»).

Фольклорные образы и мотивы (славянские и восточные) становятся для П. Васильева универсальным средством выражения народной жизни, казалось, «в нём соединились два древних ветра, русский и азиатский, соединились две доли, русская и азиатская, коснулись крылом друг друга два материка, Европа и Азия» [17, с. 7]. «Кроме того, следует учитывать определенное влияние нравственно-философских идей новокрестьянских поэтов (в первую очередь – С. Есенина, Н. Клюева, С. Клычкова), что во многом предопределило основные черты художественной системы Васильева, в которой ведущей оказалась концепция «родового начала» [21], базирующаяся на народных традициях, обычаях и культуре.

Исследование творчества П. Васильева представляет особый интерес, прежде всего, с точки зрения неразрывной внутренней связи произведений поэта с мелодикой русского стиха, глубинными основами русского народного творчества. Актуальным является вопрос, насколько использование разнообразных фольклорных форм закономерно для творчества П. Васильева в целом и связано с идейной проблематикой и художественной структурой его произведений, а также с особенностями цветовой и звуковой образности его художественной системы.

Однако до последнего времени исследователи творчества П. Васильева не уделяли достаточного внимания важнейшему аспекту влияния фольклорного фактора на поэтический метод поэта, на сложившийся самобытный, яркий художественный синтез фольклорной и литературной традиций, сплав естественного материализма и фольклорной романтизации сил природы, характерные как для лирической, так и эпической поэзии П. Васильева.

Необходимо углубление и значительное расширение области исследования фольклорных традиций в творчестве Васильева с учётом того, что главенствующей особенностью его поэтики стало нераздельное слияние социальной проблематики с буйной, чувственной, избыточно красочной образностью, имеющей свои истоки в прекрасных примерах песенного творчества, фольклорных жанрах, приёмах народно-поэтической изобразительности. Необходимы исследования ориентации П. Васильева на опыт фольклора, на историческую память, на кровную причастность своему времени.

Сформированное критикой разных лет представление о поэте, на наш взгляд, нуждается все же в более широком осмыслении. Ни одна статья о поэте не обходилась и не обходится без замечаний о фольклорной

наполненности, яркой красочности его строк, но речь не идёт дальше констатации наличия определённых фольклорных форм. В некоторых работах видна попытка соотнести биографические факты с художественным миром поэта. Но тем не менее вопрос о связи поэтики П. Васильева с устным народным творчеством был поставлен ещё при жизни поэта. Первые же небольшие газетные заметки (1928) указывают на эту особенность его творчества, особенно выраженную в эпических поэмах: «...совершенно исключительный успех имела поэма — Приртышьё” о приртышском казачестве, написанная в форме «казачьих заповок»» [14, с. 4].

«То, что позднее ошеломит критику, покажется отчасти внешним экзотическим украшательством, — имеет реальное происхождение, реальную жизненную основу», — скажет Ал. Михайлов в своей работе «Степная песнь» [7, с. 10]. Изучение взаимодополняющей и взаимообогащающей связи фольклора и литературы, определение динамики развития этой связи, раскрытие самобытных, обусловленных историческим развитием, закономерностей направленности к фольклору в различные периоды исторического развития общества — актуальная задача современного литературоведения. «Фольклорную традицию в литературе следует рассматривать не только как систему художественных приемов того или иного писателя, но и как философско-этическую, мировоззренческую категорию» [16]. В мировой и отечественной художественной литературе издавна сформировалась множественная структура различных направлений использования всех жанров народного творчества, но особенно актуальной стала эта проблематика с началом XXI века, в связи с процессом переоценки культурных и духовных ценностей.

Мысль о глубинном проникновении фольклорной системы в литературную, обогащающем воздействии фольклора на литературные художественные средства высказывал и В. Я. Пропп. В статье «Специфика фольклора» он писал, что «фольклор обладает специфическими для него средствами (параллелизмы, повторы и т.д.)... обычные средства поэтического языка (сравнения, метафоры, эпитеты) наполняются совершенно иным содержанием, чем в литературе» [13, с. 56]. О видоизменении, пространственном и смысловом росте, художественной значимости литературного слова при соприкосновении с народной культурой говорил Р. Барт, касаясь связей фольклора и литературы: «...литературное слово — это одновременно и отсылка к культурной традиции, и реализация риторической модели» [2, с. 377].

Притяжение к сказке, к её многостороннему, доброму и волшебному миру, осязаемо меняющему действительность, присуще П. Васильеву в его эпических («Песня о гибели казачьего войска», «Соляной бунт», «Кулаки», «Синицын и К°», «Женихи», «Принц Фома») и лирических поэмах («Одна ночь», «Август», «Лето»).

П. Васильев творчески изучал семантическую культуру слова, широко охватывая значение слова в каждом из говоров, на лексике которых строятся его композиционные конструкции. Везде, где он побывал: в Западной и Восточной Сибири, на Селемджинских золотых приисках, Дальнем Востоке, Каспии и в Средней Азии, — П. Васильев описывал и осваивал диалектный язык и отдельные говоры, постигал язык лирических народных песен с их сложной символикой и идеализацией крестьянского быта, украшенного деталями; изучал язык фольклора, представляющий собой художественную трансформацию народных говоров.

Связью своей с народом он очень дорожил и считал себя представителем народной речи, желаний, вкусов, устремлений. Однако с первых творческих шагов этого выдающегося поэта у него всегда было достаточно и сторонников, и противников. Часто органичная близость поэта с народным творчеством и гармоничное влечение фольклорных мотивов в его поэтические строки рассматривались критикой как доказательство причастности П. Васильева к лагерю кулацкой литературы, на него ставили клеймо «подкулачника», «певца реакционного казачества», «хулигана», «антисоветчика».

Показательна стенограмма обсуждения, состоявшегося 3 апреля 1933 года в редакции «Нового Мира»:

«К. Зелинский: У нас может явиться вопрос: откуда явился Васильев? Почему на 16-ом году пролетарской революции, после ликвидации кулачества как класса, появляется такой поэт? Значит, не вся еще молодежь наша?... Я думаю, что это не случайно. Значит, пережитки капитализма еще налицо, еще сильны...»

«Е. Усиевич: Для того, чтобы Васильев мог сам перестроиться, чтобы его творчество не давало права наиболее реакционным элементам в нашей литературе и уповать, что он поднимет их поникшее знамя, для этого, прежде всего, Васильев должен понять не только то, что наша критика, наша общественность считает его чужаком, он должен осознать, чью идеологию выражает он. До сих пор мы не имели у Васильева ни сознания этого, ни, тем более, попытки убрать мосты, которые его связывали с этими людьми...» [18, с. 2-3].

Критик Е. Усиевич также характеризовала глубокое проникновение в народное творчество особенностью мышления, свойственного реакционной прослойке, неосознанным стремлением к сытой и вольной кулацкой жизни. Поэтому, по её мнению, П. Васильев брал из «так называемого народного творчества... такие элементы, такие образы, отталкивался от таких сравнений, эпитетов, метафор, которые были целиком пролетариату враждебны, всем своим остриём против него направлены» [20, с. 142].

Нельзя согласиться и с односторонним, поверхностным взглядом Н. Степанова, считавшего П. Васильева таким ухарем, «поэтом с гармонью», которого «поток образов, вещей и слов влечёт... по течению. Для него важна лишь песенная мелодия, эмоциональная яркость слова» [19, с. 152].

Нет, ухарство гармониста не было свойственно П. Васильеву. Это впечатление создаёт акцентный фон его поэзии, с обилием красок и гаммой звуков. Но анализ текстов поэта показывает, насколько продуманную и гармоничную форму имели его творческие замыслы, его проникновение в народное творчество, его глубокое и всестороннее изучение и знание русского, киргизского и казахского фольклора.

Очевидно, такое восприятие творчества П. Васильева происходит вследствие того, что «в фольклорных текстах многие слова, помимо основного своего значения, реализованного в данном тексте, имеют также значительный семантический — «дтекст», обусловленный другими значениями этого слова» [8, с. 29-30]. Критики также отмечают внешнюю противоречивость содержания некоторых произведений и образов

в поэмах П. Васильева, но «причина этой противоречивости, – писал М. Азадовский в 1935 году, – особенности творческого метода, свойственного фольклорной традиции» [1, с. 15]. Исследователь А. Н. Хроленко, анализируя семантический аспект фольклорного слова, также отмечает, что «фольклорное слово, образно говоря, полифонично, неоднозначно в пределах одного контекста» [22, с. 54].

Язык фольклора – это особая система, не совпадающая с системой разговорно-бытовой речи, что наиболее отчетливо проявляется в творчестве П. Васильева. Во многих своих произведениях П. Васильев опирается на узкие фольклорные пласты, часто весьма конкретные в этнографическом отношении (казачий фольклор): «Шок, шок, щибачок, / Що такое, паря? / Курщавенький казацок / За мною ударил» [5, с. 240]. При анализе эпических и лирических поэм П. Васильева можно сделать вывод, что поэт использует материал одного говоря или же лексический материал многих говоря, который «по своему объёму и характеру приближается к тому, что определяется понятием диалектного языка» [8, с. 3]. По своему значению диалектный язык – это «вторая по значимости (после литературного языка) форма национального языка» [3, с. 11].

П. Васильев хорошо знает казачий фольклор, его отец – выходец из сибирского казачества. Этнический состав Прииртышского края, где родился и жил поэт, был пёстрым. Здесь жили русские, казахи, немцы, украинцы, монголы и китайцы. Вдоль Иртыша «тянулись богатые казачьи станицы со своим тяжёлым традиционным казачьим укладом, станицы пахарей и свирепого воинства» [12, с. 22], верного защитника царя и отечества.

В основу своей первой эпической поэмы – «Песня о гибели казачьего войска» – П. Васильев практически без переработки положил старые казачьи песни и частушки, слышанные и собранные в Прииртышье:

*А у берега висока
Поднялась осока,
Зелена, востра,
Камышу сестра.
Плыла гусыня
Водой карасиной,
Огибала камень
Вместе с чебаками.
Пропустила мимо
Лысого налима.
Говорили три ериша:
– Ой, гусыня, хороша,
Белая, белая,
Белая, умелая,
Даром, что старая,
Не сравнить с гагарою!.. [5, с. 239-240].*

С. Куняев пишет, что «богатейшая инструментовка поэмы, основанная на казачьем фольклоре, органически сочетается с голосовой разработкой сюжета, когда весь событийный ряд представлен через звуковую симфонию» [4, с. 8]. В поэме слышны песни-заговоры – «С милой рука в руку / Смеюсь-бегу. / Перстнем обручальным / Огонь в снегу. / Теплый шепот слышит, / Дрожь затая, / Холодная-льдиная рука твоя» [5, с. 225]; прощальные казачьи причеты – «На гнедых конях летаем, / Сокликаемся, / Под седой горой Алтаем / Собираемся. / Обними меня руками лебедиными, / Сгину, сгину за полями / За полынными» [Там же, с. 228]; обрядовые рекрутские песни – «Мне не жалко крыла, / Жалко пёрышка. / Мне не жаль мать-отца, / Жалко молодца...» [Там же, с. 236]. В поэтическое полотно влетают народные сказы и сказки, побаски и колыбельные – «Спи ты, неразумное, засытай, / Спи, дитё казацкое, баю-бай. / Я ли твою зыбочку посторожу, / Я ли тебе сказочку расскажу...» [Там же, с. 238]; древние казачьи заклатья – «Засвечу те очи / Ранней звездой, / Затяну те губы / Жёсткой уздой»; запевки – «Вейся, птишка-вольница, / Птица-воробей...» [Там же, с. 230]; пустобайки, прибаутки.

В поэме «Соляной бунт» П. Васильев активно использует семейную обрядовую поэзию, которая «теснейшим образом связана с материальной деятельностью человека... с магией, т.е. с мнимым воздействием человека на природу словом или действием» [15, с. 171-172]: свадебную – «Сапоги за юбкою, / Голубь за голубкою...» и «Я ли, милая, тебя бить? / Я ли, любая, тебя не любить?» [5, с. 256]; похоронную – «Расколись, берёза, / От сухоты, / Полетите на небо, / Птицы и кусты, / Чтобы тебя, шапку, / Сломала плеть, / Чтобы тебе, смерти, / Самой мереть!..» [Там же, с. 344].

Эти два цикла семейной обрядности наиболее интересны и ценны в художественном отношении. П. Васильев в главы «Свадьба» и «Плакальщицы» вводит различные поэтические жанры народного фольклора: плачи, песни, приговоры дружек, причеты, заговоры, загадки, – составляя в итоге единое художественное целое.

Исследователь П. С. Выходцев справедливо указывает, что обращение к фольклорным жанрам, к приёмам народно-поэтической изобразительности, которое наблюдается во всех поэмах П. Васильева, связано, прежде всего, с социальной направленностью его таланта.

Т. Мадзигон отмечала: «Не специфика народно-поэтической речи как таковая интересует Васильева, но склад, ритмы и размеры определённых жанров. Как эпический поэт Васильев вводит народные мелодии в текст в первую очередь с целью создания полновесных картин и характеров» [6, с. 74].

У П. Васильева складывается особое отношение к слову – как материалу литературы, к ритму – как конструктивному элементу. Смысл его произведений достигался вниманием к художественной детали, множественностью приёмов и средств, которыми поэт владел в совершенстве. Его творческий подход к народной эстетике предполагает использование писателем «как в отдельном его произведении, так и в творчестве в целом

структурно-художественных элементов, восходящих или к сюжетам фольклора, или к образной системе, или к его поэтике, или к лексике и поэтической фразеологии» [9, с. 129]. Именно такое понимание роли фольклора лежит в основе творчества П. Н. Васильева.

В мире Павла Васильева, как и в мире природы, все «кипит», «пенится», «бушует», «бурлит», «перекипает», «грохочет» и «звенит»: «бушуют полыни», «кипенье судеб», «солнце звенит на подковах». В приведенных примерах наиболее ёмким и обобщающим является слово, часто встречающееся в сказках, сказах и былинах, – слово «бушевать», которое передает авторское восприятие мира природы – мира пульсирующего, яростного, изменчивого.

В своей образно-художественной системе поэт самообытно и разносторонне использует традиционную, свойственную народному творчеству, трехцветную гамму: желтый, красный, синий, – играя, как живописец, всеми фактурными оттенками этих цветов. Доминантную роль здесь играют именно оттенки жёлтого – пшеничный, рыжий, оранжевый, медный, особенно золотой, так как это цвета «родительницы степи» [5, с. 138], солнца, урожая, мёда, девичьей кожи, осенних трав, освещённой солнцем воды в ковше – эти его любимые цвета зрелого лета и плодоносящей осени буйно расцветают в «Бахче под Семипалатинском», «Августе» и «Лете». Но П. Васильев не намерен пользоваться только характерными цветовыми эпитетами. Стилистика его поэзии требует новых образных средств. Так возникают «табашный» и «собачья кровь», «ягодная кровь».

Анализируя творчество П. Васильева, поэта русского, неразрывными узами связанного с глубинными народными традициями, целесообразно использовать широкий спектр методологических принципов оценки. Родная земля, «родительница-степь», вскормила, выпестовала и подарила миру его вдохновенный талант. Поэт шёл по пути зрелого реалистического искусства, с языком своего времени, а зачастую – опережающего его, со своей живой, образной, интонационной поэтической системой, черпающей силу в народном фольклоре. Приём олицетворения природы, воспринятый П. Васильевым из устного народного творчества, становится существенным моментом его мироощущения и поэтического стиля. Народное творчество способствует становлению творчества П. Васильева не только в эстетическом, но и в философском, общественно-социальном плане.

«Чтобы поэзия процветала, она должна иметь корни в земле», – написал пророчески Ф. И. Тютчев [10, с. 187]. И от этой близости, от этого родства к земле, влюблённости в её плодоносящее начало рождается и живёт в П. Васильеве святое ощущение Родины, её культуры, силы и таланта её народа.

Краткое исследование позволяет нам лишь наметить основные вопросы, связанные с проблемой фольклорного влияния на стилевой метод такого мастера поэтического слова, каким был и остаётся П. Васильев, но оно становится ещё одним шагом на пути системного изучения творчества поэта. Однако даже оно позволяет нам утверждать, что связи П. Васильева с народным творчеством глубоки и разносторонни, что обращение поэта к художественной образности и стилистике фольклора в значительной степени определяет своеобразие и самообытность его художественного стиля, который наполнен психологической достоверностью, исторической правдой, знанием жизни и людей. Поэт твёрдо закрепил народный словарь в литературном языке. Яркие, накалённые эпитеты, метафорические ряды, введение элементов семейной обрядовой поэзии, малых фольклорных форм; умение дать психологический портрет героев несколькими сочными штрихами – все это разнообразие художественных средств, естественное природе поэта, оформилось в поэтическую систему. Творчество П. Васильева, как и народное творчество, есть выразитель русского народного духа, русской природы, оно расцветено множественностью образов и представлений, создаваемыми веками и поколениями. Заговоры и заклятья, вопли и причеты, обращённые к небесам и высшим силам, говорят «о существующей в народном сознании непреходящей связи неба и божественного начала» [11, с. 131], они необычайно яркие, наполненные творческой индивидуальностью, нарастающей энергетикой и динамикой действия. Мастерски, в несколько строк, сжимая психологическую пружину действия, поэт достигает самого точного и трагичного описания характеров и поступков своих героев, так же как народные былины и эпосы красочно и ёмко повествуют нам о давно прошедших временах и событиях.

Список литературы

1. Азадовский М. К. Крестьянская лирика // Русский фольклор: крестьянская лирика: сборник статей. Л.: Сов. писатель, 1935. С. 3-25.
2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
3. Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию: учебное пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. 257 с.
4. Васильев П. Сочинения. Письма. М.: Эллис Лак, 2000. 896 с.
5. Васильев П. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1968. 632 с.
6. Мадзигон Т. М. Фольклорные истоки поэтики П. Васильева // Русская литература: сборник статей. Алма-Ата: Изд-во гос. ун-та, 1972. Вып. III. С. 71-78.
7. Михайлов Ал. В. Степная песнь. М.: Сов. Россия, 1975. 384 с.
8. Оссовецкий И. А. Лексика современных русских народных говоров. М.: Наука, 1982. 198 с.
9. Оссовецкий И. А. Языковые процессы современной русской художественной литературы: поэзия. М.: Наука, 1977. 392 с.
10. Пигарев К. В. Жизнь и творчество Тютчева. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 373 с.
11. Пирманова Н. И. Культурные коннотации фразеологизмов библейского происхождения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39). Ч. 2. С. 129-132.
12. Поделков С. А. Павел Васильев: библиографическая справка // Васильев П. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1968. С. 21-28.

13. Пропп В. Я. Фольклор и действительность: избранные статьи. М.: Наука, 1976. 325 с.
14. Рабочий путь. Омск, 1928. 20 мая.
15. Русское народное поэтическое творчество / под ред. П. Г. Богатырёва. М.: Учпедгиз, 1954. 536 с.
16. Скаковская Л. Н. Фольклорная парадигма русской прозы последней трети XX века [Электронный ресурс]: дисс. ... д. филол. н. Тверь, 2004. URL: <http://www.disscat.com/content/folklorная-paradigma-russkoi-prozy-poslednei-treti-xx-veka/> (дата обращения: 08.04. 2014).
17. Сорокин В. В. Крест поэта. М.: Алгоритм, 2006. 608 с.
18. Стенограмма вечера // Новый мир. 1933. № 6.
19. Степанов Н. О поэме П. Васильева «Соляной бунт» // Литературный современник. 1934. № 5. С. 151-153.
20. Усевич Е. От чужих берегов // Литературный критик. 1934. № 1. С. 140-155.
21. Хомяков В. И. Художественная картина мира в творчестве П. Васильева: из истории мировоззренческих и стилевых исканий в русской поэзии 1920-1930-х годов: дисс. ... д. филол. н. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2007. 386 с.
22. Хроленко А. Т. Лексика русской народной поэзии: монография. Курск: Изд-во КГПИ, 1976. 64 с.

KEY ASPECT OF FOLKLORIC INFLUENCE ON P. VASILIEV'S POETICAL METHOD

Popova Nina Viktorovna
M. Gorky Literature Institute
info@popovanina.ru

The article presents the results of investigating P. Vasiliev's creative work in the context of internal relation with the melody of the Russian verse, deeper foundations of Russian folk art. The author chose for the analysis epic poems (–Song on the downfall of the Cossack army”, –The Salt Riot”, –The Kulaks” Sinityn & Co.”, –Bridegrooms”, –Prince Thomas”) and lyric poems (–Summer”, August”). During the investigation the researcher addresses the problem to what extent the use of various folkloric forms is typical for P. Vasiliev's creative work on the whole.

Key words and phrases: Pavel Vasiliev; –Song on the downfall of the Cossack army”; –The Salt Riot”; folklore; Russian folk art; epic poems; conception –ancestral element”.

УДК 81'367.624

Филологические науки

В статье рассматривается система наречных интенсификаторов русского языка и дается представление об аспектах ее интегративного описания. Авторы обосновывают целесообразность сопоставительного описания наречий-интенсификаторов, функционирующих в общеупотребительном, диалектном и сленговом вариантах современного русского языка. В публикации представлены результаты анализа различительных особенностей частных вариантов реализации системы интенсификаторов в названных разновидностях языка.

Ключевые слова и фразы: русский язык; наречный интенсификатор; адвербиальная система; интегративное описание; общеупотребительный вариант языка; территориальный диалект; сленг.

Правилова Ирина Вячеславовна

Савелова Любовь Анатольевна, д. филол. н., доцент
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
savelova.lub@yandex.ru

ОСНОВЫ ИНТЕГРАТИВНОГО ОПИСАНИЯ НАРЕЧНЫХ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ[©]

Интенсификаторы наречного типа представляют собой особый с точки зрения функционально-семантических и структурных свойств класс единиц, выделяемых в составе наречий и адвербиальных выражений по их способности обозначать высокую или максимальную степень интенсивности проявления признака, протекания действия или состояния (*очень, весьма, невероятно, предельно, сильно, чрезвычайно* и т.п.). Употребление данных единиц свойственно разным типам речи и, сообразно их прагматическим характеристикам, так или иначе, способствует экспрессивизации речи (в одних случаях уместной, в других – осложняющей восприятие информации).

В русском языке наречные интенсификаторы образуют подсистему, с одной стороны, в составе системы интенсификаторов, имеющей сложное устройство и объединяющей обширное количество разных по своей грамматической природе единиц, с другой стороны, – в рамках адвербиальной системы. Соответственно, в основу интегративного описания наречий, способных выражать семантику усиления, указывать на высокую или возрастающую степень проявления признака, может быть положен учет факторов варьирования и взаимодействия названных систем в условиях их функционирования.

В настоящее время функционально-семантическому анализу подвергаются преимущественно единицы общеупотребительного характера, входящие в словарный состав литературного языка [1; 2; 4, с. 111-120; 11 и др.]. В меньшей степени изучены особенности функционирования наречий данного класса в некодифицированных